

Шастина Татьяна Петровна

"СТРАШНЫЙ КАМ" В. Я. ШИШКОВА: ОБЛАСТНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РАННЕСОВЕТСКОМ ОПЫТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАИНЫ

Повесть В. Я. Шишкова "Страшный кам" рассматривается как раннесоветский опыт художественно-идеологического воображения Горного Алтая - сибирской национальной окраины в контексте работ Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, посвященных этому локусу. Шаман (кам), посредник между миром людей и мирами злых и добрых сил, в отличие от предшествовавших литературоведческих оценок, интерпретируется как жертва тотального безверия. Его смерть разрывает естественную связь между человеком и природой, повергая в состояние хаоса налаженный крестьянский быт; человек человеку становится волком, кто был никем - становится всем. Семантика всеобщего страха в повести - предчувствие эпохи большого террора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 206-211. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

[н] – переднеязычный носовой сонант, сходный с русским [н]. Встречается во всех позициях в слове: *но-лима* `сани`, *нипкэли* `закрой`, *нивэт* `карликовая берёза`, *нанда* `шкура`, *дебэмнэв* `я, может быть, съем`, *надан* `семь`. В именах согласный [н] часто встречается в конце слов в виде притяжательного суффикса 3 л. ед. ч.: *икэн* `его песня`, *кууан* `его ребенок`.

[н'] – среднеязычный палатализованный носовой сонант. Встречается во всех позициях в слове, кроме постконсонантной позиции: *нямалра* `мох`, *нян* `опять`, *ханин* `дым`, *өкэнь* `молоко`.

[ŋ] – заднеязычный носовой сонант типа английского [ŋ]. Встречается практически во всех позициях в слове: *ни* `кто`, *ноггаран* `обычно чувствует запах`, *аҕан* `он открыл`, *хунуэ* `пурга`, *мау* `твердый, крепкий`.

Итак, классифицирующими дифференциальными признаками согласных фонем в описываемом говоре являются признаки места образования (губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные (язычковые)), признаки способа образования (смычные взрывные, щелевые, аффрикаты, дрожащие), признаки участия голосовых связок – глухости/звонкости (участия голоса) или напряженности/ненапряженности, признаки шумности/сонорности, для сонорных согласных является значимым признаком носовой/неносовой артикуляции. Состав согласных фонем верхнеколымского говора эвенского языка имеет определенные отличия от говоров западного наречия эвенского языка и в той или иной мере имеет дифференциальные признаки и восточного, и западного наречий.

Список литературы

1. Бурькин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 384 с.
2. Данилова А. А. Бытовая лексика эвенского языка. Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1991. 114 с.
3. Дуткин Х. И., Белянская М. Х. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка. СПб.: Бельведер, 2009. 166 с.
4. Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с.
5. Полевые материалы автора, собранные во время полевой экспедиции в Верхнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2014 году.
6. Роббек В. А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 206 с.

STRUCTURE OF CONSONANTS OF THE UPPER KOLYMA DIALECT OF THE EVEN LANGUAGE

Sharina Sardana Ivanovna, Ph. D. in Philology

Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
sarshar@mail.ru

The article aims to describe the structure of consonants of the Upper Kolyma dialect of the Even language – previously unexplored linguistic formation. For Even consonantism not only classifying differential features of the consonants but also a characteristic of certain restrictions for the use (frequency) of phonemes in certain phonetic positions in a word prove to be very important. The article is written on the basis of the material gathered during the field expedition in the Upper Kolyma district of the Sakha Republic (Yakutia) in 2014.

Key words and phrases: the Even language; dialects; western dialect; Upper Kolyma dialect; consonants.

УДК 821.161.1.

Филологические науки

Повесть В. Я. Шишкова «Страшный кам» рассматривается как раннесоветский опыт художественно-идеологического воображения Горного Алтая – сибирской национальной окраины в контексте работ Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, посвященных этому локусу. Шаман (кам), посредник между миром людей и мирами злых и добрых сил, в отличие от предшествовавших литературоведческих оценок, интерпретируется как жертва тотального безверия. Его смерть разрывает естественную связь между человеком и природой, повергая в состояние хаоса налаженный крестьянский быт; человек человеку становится волком, кто был никем – становится всем. Семантика всеобщего страха в повести – предчувствие эпохи большого террора.

Ключевые слова и фразы: областническая традиция; сибирский текст; алтайский текст; художественная репрезентация; раннесоветская эпоха русской литературы; идеологемы советской эпохи; шаманизм; семантика страха.

Шастина Татьяна Петровна, к. филол. н.

Горно-Алтайский государственный университет
tshliteratura@mail.ru

«СТРАШНЫЙ КАМ» В. Я. ШИШКОВА: ОБЛАСТНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РАНЕСОВЕТСКОМ ОПЫТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАИНЫ®

В новейших трудах, посвященных теме «Сибирь в русской литературе», центр тяжести смещается от исследования локальных составляющих «сибирского текста» [29; 30; 31; 33] к осмыслению процессов художественной

репрезентации и идеологического конструирования Сибири как русского Востока [28]; сибирский текст проецируется на концепт периферии [4]. В числе маркеров периферийности в раннесоветскую эпоху русской литературы на первом месте оказываются этнографическое разнообразие и местные культовые практики [32, с. 95-118]. Аналогичные исследования активно ведутся и на русском Севере [9], и на Урале [1; 5; 13], уточняя и расширяя научные представления о России как объекте литературного воспроизведения.

Ярко выраженная этнотерриториальная идентичность позволяет вычленив в составе сибирского сверхтекста *алтайский* текст [3], своеобразным итогом изучения которого явилась антология «Образ Алтая в русской литературе» [22], логически продолжающая подготовленное сотрудниками Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова хрестоматийное издание «Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века» [2]. В физической географии Алтай – это горная страна на юге Сибири и в Центральной Азии, принадлежащая России её часть называется Русским Алтаем; ныне практически в его границах находится Республика Алтай (топоним «Алтай» в названиях указанных книг требует пояснения: речь идет о художественно-идеологическом воображении нынешних территорий Алтайского края и Республики Алтай, вышедшей из состава края в 1991 г.; поскольку в обиходе Алтаем называют и Алтайский край, и Республику Алтай, во взгляде извне это создает путаницу – столичные СМИ довольно часто синонимизируют названия этих административно-территориальных единиц).

«Алтай великолепен как Афон: повсюду грозно величественные картины природы в чрезвычайно разнообразном смешении с видами невыразимо-приятными... Красота и величие Алтая возвышают дух до восхищения; смотря на эти *горы Божии*, невольно чувствуешь какой-то благоговейный ужас, – писал миссионер Стефан Ландышев, отмечая резкий контраст между природной красотой Алтайских гор и крайней дикостью населяющих это пространство народов, – но Афон сияет истинным Благопочитанием и благочестием... А в Алтае еще господствует тьма идолослужения; темные силы имеют здесь свои орудия; 36.000 кочевых татар и калмыков приносят кровавые жертвы бесам (курюмес): Ульденю, как главе добрых духов, и Эрлику, как начальнику всякого зла» [17, с. 1]. Коренное население Горного Алтая, вошедшего в состав Российской империи в 1756-1957 гг., лишь с конца XIX в. стало употреблять в качестве самоназвания этноним «алтайцы» (алтайский народ) [12, с. 150]. В. И. Вербицкий называл *алтайцами* (*алтайскими инородцами*) всех коренных жителей Томской губернии, окормляемых Алтайской духовной миссией [7; 8]; в травелогах XVIII-XIX веков их чаще всего именуют калмыками (белыми калмыками).

Миссионерами были собраны фольклорные источники о происхождении шаманства у алтайцев, относящие формирование этого языческого культа к окончанию потопа и связывающие возникновение шаманов (по-алтайски *камов*) и их наречение с решением верховного доброго божества алтайского пантеона Ульгена: «Отныне будет имя твое Кам. Кто будет подражать тебе, тот не будет иметь богатства на земле» [18, с. 27]. Нам уже приходилось отмечать, что без шамана не обходилось практически ни одно сочинение о Горном Алтае XVIII – первой трети XX в. [34, с. 78].

В. Я. Шишков, с именем которого вопреки биографии традиционно ассоциируется представление о собственно *сибирском* писателе, впервые по делам службы оказался в Горном Алтае в 1910 г. и был сразу покорен красотой горных ландшафтов. На соединении искреннего восхищения увиденным и профессиональной инженерной оценки дорожных условий выстроен его первый *алтайский* очерк «Любителям красот и природы» [35]. В изыскательских работах на Чуйском тракте (ныне – федеральная автодорога Р256 Новосибирск – государственная граница с Монголией; исторически – торговая дорога от г. Бийска до границы с Монголией, протяженностью около 630 км) он провел летние сезоны 1913-14 гг. Обращаясь к своему идейному вдохновителю и, пожалуй, главному на тот момент знатоку Горного Алтая Г. Н. Потанину, Шишков восклицал: «Алтай красив. В особенности его вечные снега, земли надгробие. Что за прелесть Чуйские Альпы. А густые пушистые букеты розового маральника, которыми щедро убран Алтай рукою Ангела, почивающего на вечных снегах?» [20, с. 292]. Собранные по указаниям Г. Н. Потанина во время этой экспедиции материалы и наблюдения были занесены, как говорит сам Шишков, не только в «памятную книжку», но и в сердце. Возникшие на их основе замыслы настолько захватили начинающего писателя: «Боюсь только, как бы не треснула голова и душа не помутилась бы» [Там же]. Круг «алтаелюбов» [10, с. 6], разделявших областнические идеи Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева (художник Г. И. Чорос-Гуркин, писатель Г. Д. Гребенщиков, этнограф А. В. Анохин), в который на Алтае вошел Шишков, активно занимался изучением этнографии и фольклора алтайских инородцев; местом базирования их летних экспедиций традиционно был район нижней Катунь (село Чемал и деревня Анос, где располагалась усадьба гостеприимного художника Г. И. Чорос-Гуркина).

Г. Н. Потанин называл это место «чемальским тупиком» (поскольку далее начинались непроходимые горы), сохранившим до начала XX века традиции шаманизма в его естественном бытовании (а в то время «калмыки и теленгиты уже бросали культ шаманства и, под влиянием своего мессии Чет-Челпанова, переходили в бурханизм (упрощенный буддизм)» [36, с. 24]). В газетных публикациях 1900-х годов Г. Н. Потанин, популяризируя этнографические знания, часто писал о шаманах Чемальской долины [24; 25]; в этой долине под его руководством собирался материал для первого сборника алтайского фольклора [21]. Безусловно, искренне любивший Г. Н. Потанина Шишков был знаком с этими очерками, предвосхитившими его встречу с алтайскими шаманами (о более чем теплом отношении Шишкова к Потанину свидетельствуют обращения к адресату в письмах Шишкова и особенно посвященная Шишковым патриарху сибирских областников аллегория «Скала» с её топографической привязкой художественного пространства сна к месту слияния реки Ильгумень с Катунью; его описание исполнено в стилистике романтических живописных пейзажей Г. И. Чорос-Гуркина: «Мне хочется, чтобы вышли из каменных хребтов окаменелые витязи Алтая, чтоб синие венцы вспыхнули на вершинах гор. Чтобы шаман загрохотал в бубен и осатанело закружилась весь красный у кровавого огня...» [38, с. 436]).

Позднее в автобиографии В. Я. Шишков писал: «Рабочий период 1910 года я заведовал партией по исследованию реки Бии на Алтае... Работа была чрезвычайно опасная – Бия бушевала в своих многочисленных порогах, – но весь риск окупился впечатлениями: познакомился с бытом кержаков-староверов, теленгитов, калмыков, с культом шаманизма: шаманы (Камы) во время моления в глухих и горных ущельях приносили кровавые жертвы подземному богу Эрлику, жертвенной лошади привязывали к каждой ноге по аркану, и четыре группы алтайцев, вцепившись в концы арканов, раздирали её живьем. Кам ударом ножа извлекал жертвенную кровь из её живого сердца. Визг лошади, оранье толпы, громовой грохот аршинного бубна, игра ночных костров во тьме...» [36, с. 19].

Шаманы воспринимаются Шишковым как обязательный атрибут Горного Алтая, писатель сам начинает мыслить пантеистически: «В очень красивых местах живу, радуюсь и молюсь природе. От близости дивных красот душа чище становится, умягчается сердце, хочется добрым быть» [20, с. 294]. Его романтически воспринимаемый Алтай (в отличие от воспринимаемого реально [40]) – источник радости и счастья: «Я люблю Алтай крепко, с каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем я возьму Алтаю ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту. Если бы я был поэтом, я воспел бы его, я бесконечно стал бы прославлять его красу и мощь» [20, с. 293].

Замысел художественного произведения об алтайских шаманах возник у В. Я. Шишкова летом 1913 г.: «За лето должен написать один большой рассказ. Не знаю какой: либо из Алтайской жизни: – «Страшный кам», либо из жизни Тунгусской» [Там же]. Замысел вынашивался очень долго, за это время страна сменила и свое название, и общественный строй, но удачно найденное название «Страшный кам» у Шишкова как нельзя более точно подошло к новым социально-историческим реалиям. В первом отдельном издании (как и в предшествовавшей ему журнальной публикации) повесть «Страшный кам» имела жанровое обозначение «повесть шаманья, алтайская» [39]. Тексту было предпослано посвящение – «Светлой памяти Григория Николаевича Потанина посвящает благодарный автор». «Шаманьей» повесть делает центральный персонаж – кам Чалбак («кам – шаман, жрец, представитель культа шаманизма» [Там же, с. 156]), «алтайской» – описания высокогорья, алтаизмы, продублированные переводом (эзень – приветствие, козел – яман, юрта – аланчик и т.п.), этнографически точное воспроизведение фрагментов мистерий алтайских шаманов, в основу которого, безусловно, положены работы Г. Н. Потанина и его учеников (самое подробное описание родословия, ритуала и запись текстов алтайских шаманов произведены А. В. Анохиным в 1910-1912 гг. [6]). В духе Н. М. Ядринцева [41] сделаны несколько упоминаний о калмыках и теленгитах, содержащие областническую оценку характеров сибирских инородцев (робки, незлобивы, «наивны как младенцы»), об отношении к ним миссионеров, например рассказ Чалбака о причинах его крещения. Л. П. Якимова, акцентируя внимание на идеологемах советской эпохи в текстах Шишкова, писала о доминировании в повести темы беспросветного существования туземцев и пафоса разоблачения «политики насильственного приобщения малых народов к христианству» [44, с. 17].

Сюжет повести был намечен Шишковым в 1913 г. в четвертой части путевых очерков «По Чуйскому тракту», названной «Страшный кам»: выезжая из селения Муюта – «преддверия орды», т.е. пересекая границу «своего» и «чужого», русского и алтайского миров, ямщик рассказывает путешественнику про «страшного», но справедливого крещеного кама, живущего неподалеку. Кам не оставил своих занятий, и «строгий» священник велел его проучить (отметим, что Муютинский стан был одним из старейших в Алтайской миссии – открыт в 1845 г. [16, с. 193]; во времена, описываемые рассказчиком-ямщиком, т.е. около 1880 г., в нем трудилась семья священников Постниковых). Русские мужики побили кама, и тот им пригрозил, вымерли семьи двух избивавших, а третий повинился перед камом и жив остался. С тех пор бубен шаманский ночами стучит в селе сам собою, предсказывая смерть – «просто страх». А кам до сих пор камлает – «Ему нельзя без этого. Его тогда шайтаны задушат. Их много. Они работы себе требуют. Этот кам самый настоящий, страшный. Его весь Алтай боится. А зла он никому не делает. Все узнает. Болезнь прогоняет» [37, с. 2]. Этнографическая точность этой фразы ямщика проявляется, прежде всего, в использовании канонической формулы «духи предков давят» – так алтайцы выражали появление у человека признаков шаманского призвания [26, с. 67].

В рассказе ямщика звучит ключевое слово повести – «страх». В данном случае страх – естественная психологическая реакция русского на образ «другого», о чем ранее писал Н. М. Ядринцев: «Перед выступающими горами при лунном свете, в фантастическом костюме... шаман выбегает из юрты, бьет в бубен, кружится и в дикой экзальтации делает предсказание. Это впечатление среди глухой ночи бывает до такой степени потрясающим для простого ума, верящего в сношения с дьяволом, что наводит страх на присутствующих русских крестьян, как они нам свидетельствовали» [43, с. 20]. Следует добавить, что в воспоминаниях самого Ядринцева о том самом ночном камлании (всплывающих в ситуации встречи в Петербурге с экзотическими для столицы алтайцами) отчетливо прослеживается позиция интеллектуала-романтика: «Помню его (шамана – Т. П.) потрясающие вопли, призывание, дикое эхо гор, отвечавшее этим заклинаниям, и таинственную прекрасную ночь над величественными горами, полными дикой прелести» [41, с. 628].

Открывающий повесть горный пейзаж лишен реалистичности, в нем усматривается мозаика из образов живописных полотен Чорос-Гуркина (излюбленный Гуркиным маральник – кустарник, цветущий ранней весной, местное название рододендрона Ледебура, *Rhododendron ledebourii* Pojark) и поразившие Н. М. Ядринцева мальвы [42, с. 41], цветущие в разгар лета. «Ранний летний час. Лучи солнца лишь на вершинах гор, долины – в предутренней сизой дымке. Но розовый рассвет все ниже ползет с вершин по склонам, золотит на своем пути и зеленый куст черемухи, и цветущий маральник, и украшенные крупными цветами мальвы... Люди в долине шевелятся – закурились берестяные юрты серым дымом, проснулся народ в селе. Калмыки, теленгиты, русские, еще помесь русских с теленгитами – береза да черемуха» [39, с. 10].

Эта мирная картина не предвещает обозначенной в названии повести семантики страха – предвестника эпохи великого террора. Эта семантика развивается в тексте параллельно с развитием мотива жертвоприношения (но не в языческой, как того можно было ожидать от «повести шаманьей, алтайской», а в библейской трактовке), сливаясь с семантикой нечистоты/ несправедности/черноты мира людей. Ей противостоит гармония, чистота, естественность и снежная белизна мира алтайских гор, которому принадлежит кам: «Горы! Горы! С семи концов пришли сюда, семь ветров загородили. Млеют под солнцем в зеленых своих цветных уборах. По их подолу и дальше в высь бегут лиственницы, сосны, как снег блестит обнаженный на ребрах известняк, рудой кровью кровянеют красноцветные песчаники. Розовые нежные кусты маральника перепутались с темной зеленью вереска и елей. Ярко-желтые цветистые ковры раскинулись то здесь, то там. О пики выступов и скал чешет гриву водопад с горы – радуга, алмазы, серебро. Только ущелья мрачны – в них тьма, в них леший! – и по балкам серый камень-курум ползет» [Там же, с. 21-22].

Местом действия в повести становятся высокогорные русско-алтайские селения Глызеть (в этом топониме можно усмотреть семантику нерешительности – от «глыбаться» – колебаться и семантику нечистот – от «глызы» – навоз, помет [11, с. 359]) и Волчиха. Пещеру шамана отделяет от селения река Анчибал (от *анчибел* – нечистый дух). Вымышленные названия населенных пунктов усиливают звучание в повести мотивов раздвоения и непонимания, актуализирующихся в эпоху создания. Шаман, единственный умный человек в этом «оглазевшем» мире («Умное безбородое лицо его грустно. Черные узкие глаза потухли. Печаль в глазах» [39, с. 63]), верит в христианского бога, но физически не может не камлат. Его место в художественном пространстве – между небом и землей, как и предначертано шаману в его экстатических полетах (добавим, что шаманскую алтайскую экзотику на фоне достижений советской авиации в Сибири в ту эпоху описал В. А. Итин [14]), в пещере, охраняемой рекой, своеобразным магическим кругом, делящей мир на «чистых» и «нечистых».

Образ кама у Шишкова, вопреки идеологической установке «служитель культа – враг, беспощадно эксплуатирующий бедняков», создан на основе традиционных алтайских представлений – он беден, бескорыстен, что особо подчеркивал в свое время Стефан Ландышев [18, с. 27]; помимо того, он бесконечно терпелив в своих упованиях на высшие силы. Оставленный властями (священником и урядником) на растерзание разъяренной толпы, кам гибнет в водах Анчибала, превращаясь в видениях блаженной старушонки Федосьи в Христа, идущего на Голгофу. Внук Федосьи подпасок Ерема понес по Чуйскому тракту «до монгольского Кобдо-города, до Улясутая» славу про страшного кама Чалбака.

Но даже в самых страшных снах не могло присниться все то, что случилось в селении после убийства кама. Практически вымер род крепких мужиков Брюхановых, исчезла радость в некогда богатой округе, в страхе ждущей, где же снова заговорит шаманский бубен; человек человеку стал волком... И только один человек благополучен ныне в Волчихе – Еремей Терентьевич Дятлов (Ерема). Иллюстрация советского лозунга «Кто был никем – тот станет всем» завершает повесть «шаманью, алтайскую». Выбор имени для этого персонажа отсылает к известному смеховому произведению – «Повести о Фоме и Ереме», уводя в подтекст наряду с мыслью о тотальном страхе мысль о тотальной безнадежности [23, с. 193-194]. При рассмотрении текста в таком ключе можно заметить, что страха не имеют только два персонажа повести Шишкова – шаман и блаженная старушонка, два человека не утратили духовности: шаман её хранит связью с традицией (с *душами* предков, предопределяющими все его поступки), Федосья – чистой верой. Таким образом, их непонимание остраивает *страшный мир* Волчихи, не экзотизируя, а типизируя его как явление раннесоветской эпохи (повесть была завершена в Петрограде в 1919 г.).

Микшируя эту мысль, автор в предисловии к отдельному изданию дал требуемую национальной политикой того времени идеологическую преамбулу: «Автор великолепно знаком с той беспощадной, не имеющей пределов, эксплуатацией, которой в прошлом, при царском самодержавии, подвергались так называемые –и народцы». В результате – поголовная безграмотность такого даровитого народа, как тунгусы или алтайцы, пьянство, дикость, вымирание... В данное время, при Советской власти, эксплуатация малых народностей торгашами в корне пресекается... Прокладываются пути сообщения. Дикий первобытный уклад жизни постепенно уходит в прошлое» [39, с. 7]. А эпиграф, соответствующий формуле национальной политики «угнетенные народы востока», – «Будет ли так, чтоб в пуповину нашу грязь не попадала? Будет ли так, чтоб на ресницах наших не было слез? (из молитвы алтайцев)» – подтолкнул критику к благожелательному отзыву о повести. Произведение было отнесено к явлениям *краевой* художественной литературы, для которых в то время обязательными считались «такой пейзаж, развитие действия, размещение персонажей, мотивировка и обоснование внутренней логики событий, которые возможны исключительно в данной социально-экономической и географической обстановке» [19, с. 70]. Было признано, что на краевом материале (редкостное явление для той поры) писатель достиг общенациональных высот, борясь с великодержавным шовинизмом и протестуя против колониального взгляда на Сибирь. При этом довольно миролюбиво отмечалось, что писателю не хватало «революционной энергии», он «не умел сделать политических выводов из всего наблюдаемого», что поднятая им тема требовала «гневный голос писателя-трибуна, стоящего на последовательно революционных позициях, ясно понимающего истоки и классовую природу национального угнетения» [Там же, с. 78]. Высоко оценивая художественные достоинства произведений Шишкова, созданных на сибирском материале, Майзель все же главную заслугу писателя размещал в идеологической плоскости – по его мнению, Шишков писал о туземцах, демонстрируя «всю глубину неустройства дореволюционной России» [Там же].

Повесть «Страшный кам» – не о сибирских туземцах, а о современной писателю России, погружающейся в тьму неверия. Замкнутая модель горного пространства манифестирует в ней мысль о «своем», исконном,

у которого уже нет сил для борьбы с «чужим». В традиционных представлениях коренных этносов Алтай – это, прежде всего, гиперболическое обозначение собственной территории, он пространственно шире, чем вся земля, слово *алтай* может использоваться в нарицательном значении и как название родовых мест, и как обозначение бытия в целом [15, с. 282-286]. Ставя в основу концептосферы повести веру/неверие, Шишков обращается к онтологической проблематике, тем самым отрицая политику деления советских народов и народностей на «передовых» и «отсталых», на «диких» и «просвещенных», на «западных» и «восточных», – он настаивает на слиянии человека с родной землей.

Пантеистическое же слияние В. Я. Шишкова с природой Горного Алтая особенно остро ощутил В. Распутин, тщетно, по собственному выражению, искавший слова для описания величественной красоты Горного Алтая. Стоя у памятника В. Шишкову на Чуйском тракте в окрестностях с. Манжерок (скульптор П. Миронов; памятник установлен в 1973 г.), он заметил, что скромный барельеф слился с окружающим пространством, «стал такой же принадлежностью Катуня, как острова, дикие камни и деревья, как до того проложенная людьми дорога – будто был тут всегда», и сделал афористический вывод: «Земля должна знать своих поэтов и устроителей, тогда она будет знать и свое достоинство» [27, с. 155].

Список литературы

1. **Абашев В. В.** Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
2. **Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века:** в 3-х т. Барнаул: А.Р.Т., 2005-2009.
3. **Алтайский текст в русской культуре:** сб. статей. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002-2013. Вып. 1-5.
4. **Анисимов К. В.** Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
5. **Анисимов К. В., Созина Е. К.** История литературы Урала в контексте региональных исследований // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 272-284.
6. **Анохин А. В.** Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии / предисл. С. Е. Малова. Л.: Изд-во Российской академии наук, 1924. 152 с.
7. **Вербицкий В. И.** Алтайские инородцы: сб. этнографических статей и исследований / под ред. А. А. Ивановского. М., 1893. 256 с.
8. **Вербицкий В. И.** Алтайцы // Томские губернские ведомости. 1869. № 30-33, 35, 37-42, 44-47, 49, 50; 1870. № 1-5, 7-13, 16-19.
9. **Галимова Е. Ш.** Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 1. С. 121-129.
10. **Гребнева М. П.** «Над царственной ширью Алтая...»: образ Алтая в русской литературе начала XX века // Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв.: антология: в 5-ти т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2012. Т. 2. С. 5-14.
11. **Даль В. В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с.
12. **Екеев Н. В.** К проблеме образования алтайского этноса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. № 5. С. 146-151.
13. **История литературы Урала: конец XIV – XVIII в.** / гл. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
14. **Итин В. А.** Каан-Кэрэдэ // Сибирские огни. 1926. № 1-2. С. 39-98.
15. **Казагачева З. С.** Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Жан-Алтын»: аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск, 2002. 352 с.
16. **Крейдун Георгий, свящ.** Алтайская духовная миссия в 1830-1919 годы: структура и деятельность. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 200 с.
17. **Ландышев Стефан, протоиерей.** Алтайская духовная миссия. М., 1864. 22 с.
18. **Ландышев Стефан, протоиерей.** Космология и феогония алтайцев-язычников / сост. епископ Макарий. Казань, 1886. 31 с.
19. **Майзель М.** Вячеслав Шишков: критический очерк. Л.: ГИХЛ, 1935. 134 с.
20. **Неопубликованные письма В. Я. Шишкова к Г. Н. Потанину** / подгот. Я. Р. Кошелева // Алтай. 1957. № 10. С. 291-295.
21. **Никифоров Н. Я.** Аноский сборник: собрание сказок алтайцев / примеч. Г. Н. Потанина. Омск: Тип. штаба Омского военного окр., 1915. 293 с.
22. **Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв.:** антология: в 5-ти т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2012.
23. **Панченко А. М.** Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А. М. Русская история и культура: работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 7-260.
24. **Потанин Г. Н.** Алтайский кам (по поводу сибирского вечера) // Сибирская жизнь. 1909. № 39. С. 3.
25. **Потанин Г. Н.** В Чемальском тупике // Сибирская жизнь. 1910. № 141. С. 3; № 142. С. 3.
26. **Потапов Л. П.** Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.
27. **Распутин В. Г.** Горный Алтай // Распутин В. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Молодая гвардия, 1994. Т. 3. С. 145-187.
28. **Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве:** коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск, 2010. 237 с.
29. **Сибирский текст в русской культуре:** сб. статей / ред.-сост. А. П. Казаркин. Томск: Сибирика, 2002. 270 с.
30. **Сибирский текст в русской культуре:** сб. статей / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. Вып. 2. 276 с.

31. **Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания:** коллективная монография / сост., научн. ред. А. П. Казаркин. Томск: Изд-во «Сибирика», 2003. 216 с.
32. **Слезкин Ю.** Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
33. **Тюпа В. И.** Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27-35.
34. **Шастина Т. П.** Горный Алтай в публицистике Н. М. Ядринцева // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 74-82.
35. **Шишков В.** Любителям красот и природы // Сибирская жизнь. 1910. № 158. С. ?-?.
36. **Шишков В. Я.** Автобиография // Воспоминания о Вячеславе Шишкове / сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1987. С. 8-27.
37. **Шишков В. Я.** По Чуйскому тракту: путевые очерки // Сибирская жизнь. 1913. № 159. С. 2.
38. **Шишков В. Я.** Скала: аллегория // В. Я. Шишков. Тайга. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1975. С. 435-440.
39. **Шишков В. Я.** Страшный кам: повести и рассказы. Изд-е 3-е. М.: Недра, 1931. 258 с.
40. **Шишков В. Я.** Чуйские были // Ежемесячный журнал. 1914. № 2. С. 28-37.
41. **Ядринцев Н. М.** Алтай и его инородческое царство // Исторический вестник. 1885. № 6. С. 607-644.
42. **Ядринцев Н. М.** На обетованных землях (из путешествия по Алтаю) // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. 2. С. 36-43.
43. **Ядринцев Н. М.** Об алтайцах и черневых татарах // Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Б.и., 1881. Т. 4. 27 с.
44. **Якимова Л. П.** Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 228 с.

**“SCARY KAM” BY V. Y. SHISHKOV: REGIONALISTIC TRADITION
IN THE EARLY SOVIET EXPERIENCE OF NATIONAL OUTSKIRTS REPRESENTATION**

Shastina Tat'yana Petrovna, Ph. D. in Philology
Gorno-Altai State University
tshliteratura@mail.ru

The story “Scary Kam” by V. Y. Shishkov is considered as the early soviet experience of the artistic and ideological imagination of Gorny Altai – the Siberian national outskirts – in the context of works by G. N. Potanin and N. M. Yadrintsev devoted to this locus. A shaman (kam), a mediator between the human world and the worlds of good and evil forces, is interpreted, unlike previous literary assessments, as a victim of total disbelief. His death breaks natural connection between a man and nature plunging into chaos settled peasant life; relations between people can be characterized by the saying “a dog eats a dog”, who was nothing – becomes all. The semantics of universal fear in the story is a premonition of the era of the Great Terror.

Key words and phrases: regionalistic tradition; the Siberian text; the Altai text; artistic representation; the early soviet era of the Russian literature; ideologemes of the soviet era; shamanism; semantics of fear.

УДК 81.42

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «парламентский дискурс», которое получает все более широкое распространение в современной отечественной и зарубежной политической лингвистике; предлагается принципиально новый, прагма-риторический подход в изучении англоязычного парламентского дискурса на материале скриптов официальных отчетов о заседаниях парламента. Основное внимание авторы акцентируют на выявлении иллюкутивных особенностей скриптов парламентских дебатов, указывая на наиболее свойственные (характерные) англоязычному тексту парламентских дебатов речевые акты.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; парламентский дискурс; парламентские дебаты; прагма-риторический подход; иллюкутивный акт; речевой акт.

Ширяева Татьяна Александровна, к. филол. н., доцент

Черноусова Юлиана Анатольевна, к. филол. н.

Пятигорский государственный лингвистический университет
shiryaevat@list.ru; ellemoi@rambler.ru

**ПРАГМА-РИТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА** ©

Статья выполнена при поддержке РГНФ (Проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)»).

Как известно, «язык служит инструментом познания и отражения действительности, средством общения того или иного коллектива, поэтому он находится в постоянном движении, изменяется для того, чтобы быть в состоянии наиболее адекватно отразить изменяющуюся картину мира и удовлетворять потребностям языкового общества» [1, с. 11]. Именно поэтому социально-политические процессы, происходящие в современном мире,